

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81`23

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

ПРЕДЫСТОРИЯ КОМПАРАТИВИСТИКИ: ИЗВЕСТНОЕ И СПОРНОЕ

Аннотация. В статье исследуются некоторые аспекты предыстории формирования сравнительно-исторического языкознания как особого научного направления на рубеже XVIII – XIX столетий. Отмечается, что хотя указанный вопрос считается достаточно хорошо исследованным в специальной литературе, однако ряд связанных с ним моментов до сих пор носит несколько дискуссионный характер. В связи с этим рассматривается деятельность учёных, считающихся предшественниками компаративистики (У. Джонс, Ф. Шлегель), и отмечается необходимость объективной оценки их деятельности.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, возникновение, основоположники, предшественники, Джонс, Шлегель, Бопп.

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

THE PREHISTORY OF COMPARATIVE LINGUISTICS: THE KNOWN AND CONTROVERSIAL

Abstract. The present paper deals with some aspects of the prehistory of the formation of comparative linguistics as a special branch of language investigation at the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries. It is noted, that although this question is usually treated as practically fully investigated in special literature, some issues connected with its origin may be controversial enough. The activity of the philologists, considered to be predecessors of comparative linguistics (W. Jones, F. Schlegel) is analyzed, and the necessity of its objective assessment is underlined.

Key words: comparative linguistics, origin, founders, predecessors, Jones, Schlegel, Bopp.

Для истории языкознания ближайшие годы являются богатыми на юбилеи, среди которых отметим два. С одной стороны, это, конечно, приближающееся столетие публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, когда, по иронично-парадоксальному замечанию А.А. Холодовича, «несуществующее произведение, плохо ли, хорошо ли воссозданное Балли и Сеше, возвестило, что в лингвистике наступил XX век» [7, с. 667]. С другой – двухсотлетие со дня появления труда, носящего, по традиции того времени, достаточно длинное название – «Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache» («О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков»). Перефразируя процитированное выше утверждение Холодовича, можно сказать, что оно «возвестило» в языкознании наступление XIX века – «исторического периода», по выражению одного из крупнейших представителей младограмматизма Б. Дельбрюка.

Правда, труд немецкого учёного – в отличие от посмертно вышедшей книги его швейцарского коллеги – «несуществующим» называть, естественно, никому в голову не приходило. После его появления Ф. Бопп прожил ещё полвека, написал достаточно много, и принадлежность ему текста указанной работы никогда никаких сомнений не вызывала. В этом отношении статус весьма молодого к моменту её появления двадцатипятилетнего автора (здесь тоже можно вспомнить, что и прославленный сос-

суровский «Memoire sur le systems primitif des voyelles dans les langues indoeuropeennes» был создан юношей, едва перешагнувшим двадцатилетний рубеж!) как «основоположника» новой науки сомнений вызывать, видимо, не может. А учитывая, сколь скрупулёзно изучалось исследователями появление первых страниц истории компаративистики, вопрос об обстоятельствах её возникновения, казалось бы, должен считаться давно решённым.

Однако, если несколько отойти от привычной схемы, излагаемой в учебно-педагогической литературе по истории лингвистических учений, то окажется, что и здесь могут обнаружиться отдельные спорные или требующие определённого уточнения моменты.

Начать их рассмотрение представляется целесообразным с тех учёных, кого принято называть «предшественниками» сравнительно-исторического языкознания. Предлагаемая статья содержит попытку осветить некоторые, относительно мало известные отечественному читателю аспекты деятельности последних.

И в первую очередь, естественно, приходится вспомнить Уильяма Джонса (передаём эту фамилию традиционным способом вместо более отвечающего современным правилам переводческой транскрипции *Джонсонз*). Хотя в литературе он также именуется «основоположником» компаративистики, однако, как отмечалось выше, скорее таковым признаётся Ф. Бопп. Сошлёмся на созданную ещё в XIX столетии известную работу уже упомянутого нами Б. Дельбрюка, начинающуюся следующим образом: «Когда *основатель сравнительного*

языкознания (*курсив наш.* – И.Б., Г.Х.) Франц Бопп... приступил к занятиям санскритом, мнение о близком родстве языка брахманов с языками Европы, особенно с греческим и латинским, было уже неоднократно высказано и подтверждено рядом доказательств» [3, с. 1] (после чего следует упоминание У. Джонса и Ф. Шлегеля). Аналогичным образом разрешает этот вопрос и Ф. де Соссюр: в «Курсе общей лингвистики» говорится (причём, как известно, в критическом освещении!) о «направлении, начало которому положил Бопп», и недостатках «той лингвистики, которую основал Бопп» [6, с. 115]. При этом также оговаривается, что «Бопп не был первым, кто... высказал предположение, что все эти языки принадлежат к одному семейству... Однако... заслуга Боппа заключается... в том, что он понял возможность построения самостоятельной науки, предметом которой являются отношения родственных языков между собой» (*курсив наш.* – И.Б., Г.Х.) [6, с. 40]. Также признавая, что «это... установил и высказал до него английский востоковед Вильям Джоунз», Соссюр, тем не менее, подчёркивает: «Однако отдельных разрозненных высказываний ещё недостаточно для утверждения, будто в 1816 г. значение и важность этого положения уже были осознаны всеми» [6, с. 115].

Человек с достаточно интересной биографией [1; 16], отличавшийся широтой и разносторонностью интересов (включая создание поэмы «Каисса», посвящённой шахматной игре!), в историю языкознания У. Джонс вошёл, по существу, одним-единственным абзацем из очередного ежегодного доклада, прочитанного на заседании

Азиатского общества Бенгалии 2 февраля 1786 г., основателем и президентом которого он являлся. В русском переводе названный фрагмент хорошо известен любому отечественному студенту-филологу по классическому учебнику А.А. Реформатского (см.: [5, с. 394]). На языке оригинала он выглядит следующим образом:

‘The Sanscrit language, whatever be its antiquity, is of a wonderful structure; more perfect than the Greek, more copious than the Latin, and more exquisitely refined than either, yet bearing to both of them a stronger affinity, both in the roots of verbs and in the forms of grammar, than could possibly have been produced by accident; so strong indeed, that no philologist could examine them all three, without believing them to have sprung from some common source, which, perhaps, no longer exists: there is a similar reason, though not quite so forcible, for supposing that both the Gothick and the Celtick, though blended with a very different idiom, had the same origin with the Sanscrit; and the old Persian might be added to the same family, if this were the place for discussing any question concerning the antiquities of Persia’ [12].

Традиционно историками лингвистики это рассуждение оценивалось двояко. С одной стороны, его квалифицировали как в «высшей степени ясное», с другой – усматривали уступку «донаучным» представлениям в допущении смешанного характера готского и кельтского и в признании возможности продолжения существования исходного языка – ср. слова Х. Педерсена: ‘This pronouncement is extraordinarily clear, and it recalls the old ways of thinking only in that it holds the possibility open that the original lan-

guage may still exist, and in the belief that the more divergent appearance of Gothic and Celtic must be due to speech mixture' [14, p. 18].

Объективности ради целесообразно добавить, что, на наш взгляд, в первом случае формулировка У. Джонса ('some common source, which, perhaps, no longer exists' – «некий общий источник, который, может быть, больше не существует») скорее говорит о том, что автор этих слов склонялся именно к такому предположению. Оговорка «может быть» в данном случае вполне объяснима – подлинная разработка «праязыковой» проблематики с позиций сравнительно-исторического языкознания началась несколько десятилетий спустя. Что касается второго пункта, то, учитывая, что вопрос о языковом смешении поднимался и в XIX, и в XX столетии (достаточно вспомнить Г. Шухардта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, итальянских неолингвистов), – британского учёного с равным успехом можно, пожалуй, объявить и провозвестником будущих суждений по данному вопросу... Впрочем, чаще У. Джонса упрекали в том, что его высказывания носят декларативный характер [5, с. 394]. Однако трудно было бы ожидать другого в речи, где языковые вопросы были всего лишь одним из компонентов весьма широких (другой вопрос – насколько справедливых с точки зрения позднейшей науки, о чём говорится ниже) историко-культурологических рассуждений...

Нельзя не признать, однако, что в последние десятилетия в работах некоторых лингвистов (и не только лингвистов) наблюдается стремление к своеобразному пересмотру роли, сыгранной У. Джонсом в развитии нашей науки –

причём отнюдь не в положительную сторону. С одной стороны, оспаривается оригинальность приведённой выше формулировки (т. е. фактически принадлежность её самому У. Джонсу), с другой – научная ценность его суждений по вопросам языкового родства.

Основным аргументом в первом случае служит опубликованная ещё в конце 60-х годов прошлого века его переписка с лордом Монбоддо. Последний, соглашаясь с утверждением Джонса о «превосходстве» санскрита над латинским и греческим, также высказывает мысль о том, что либо греческий следует признать диалектом санскрита, либо оба они являются диалектами некоего исходного языка: 'But the most curious thing concerning this language, and which appears to me to decide a most important point in the history of man, is its affinity with the Greek, and the most ancient dialect of Greek, the Latin. This affinity is so great that either the Greek is a dialect of the Sanscrit, or they are both dialects of the same parent language' [10]. При этом отмечается, что корреспондент У. Джонса впервые упомянул о том, что близость санскрита и греческого предполагает, что они не произошли один из другого, а получили свои языки от одной общей прародины ('the languages are so similar in their fundamental systems that he must assume not that one language is derived from the other, but that 'both Indians and Greeks got their language, and all their other arts, from the same parent-country' [10]), ещё в опубликованной в 1774 г. работе «Происхождение и прогресс языков» (*Origin and Progress of Language*), – обстоятельство, позволяющее поставить вопрос о влиянии его на У. Джонса. Впрочем, при этом огова-

ривается, что указанный момент вовсе не требует «развенчания» последнего, поскольку само по себе указанное положение высказывалось ещё иезуитскими миссионерами в XVI столетии (предшественники Джонса часто упоминаются в специальной литературе [9, p. 33–34]) и было к тому времени едва ли не общепризнанным. «Так что, – заключает автор, – если У. Джонс и не был первооткрывателем, он выбрал правильный момент и правильное место для своего утверждения, что и является решающим моментом» ('... If Sir William Jones was not the first or the best informed to speak, at least he spoke at the right moment to the right audience, and perhaps, in the end, this is what really matters') [11].

Гораздо более негативную интерпретацию отмеченного факта можно найти на популярном в определённых кругах русскоязычном сайте «Sceptic-Ratio», создатель которого (О.Е. Акимов) вообще считает своей главной задачей «зашедшего на него Посетителя попытаться вырвать из установленной системы знаний» [1]. Причём охватывает это «разоблачительство» практически все области – от физики до психологии. Не оставлена без внимания и деятельность британского учёного. «Эти два письма сеют семена сомнения в отношении первенства Уильяму Джонсу» [1], – отмечается в статье О.В. Акимова.

Думается, что о «первенстве» в данном случае – как это видно и из публикации, и практически из всех источников – ни по отношению к У. Джонсу, ни по отношению к его корреспонденту говорить не приходится. Да и вряд ли они претендовали на него в том смысле, который обычно имеют в виду,

выясняя (как правило, с не слишком большим успехом) вопрос о научном приоритете в той или иной области. Однако в одном из адресованных У. Джонсу писем содержатся следующие слова, касающиеся его доклада: 'I had the honour of your very polite letter and with it a discourse pronounced by you in that noble Society which you have erected in India... In this discourse you propose to open a wonderful field of enquiry...' [10]. Даже если считать, что они во многом продиктованы этикетными соображениями, из них с совершенной очевидностью следует, что почтенный лорд отнюдь не считал своего заочного собеседника чем-то вроде плагиатора...

Гораздо существеннее в историко-научном плане представляется второй момент. Здесь, правда, чаще имеют в виду не столько саму воспроизведённую выше цитату, сколько другие (относительно мало у нас известные) рассуждения британского учёного о родственных связях ряда языков, действительно сильно расходящиеся с теми положениями сравнительно-исторического языкознания, которые были установлены в дальнейшем. Обозначенный вопрос достаточно подробно рассматривается в зарубежных трудах [8; 9]. В них отмечается, что У. Джонс допустил ряд ошибок, причисляя к одной группе языки, которые не связаны общностью происхождения, и не усмотрев родства между языками, которые следовало бы объединить в одну группу ('grouping languages, which should not be grouped, and failing to combine languages, which should have been grouped' [9, p. 42]). В качестве примера называют, среди прочих, причисление малайского языка к семит-

ским и положение о том, что хинди и санскрит являются идиомами разного происхождения. На русском языке соответствующую аргументацию можно найти в статье О.Е. Акимова. Фактически повторяя процитированных авторов, утверждавших: 'His direct interest was not in historical linguistic matters and language... Jones always maintained that languages were not worth studying for their own purposes, but only as means to a higher end' [9, p. 35], – создатель упомянутого сайта заключает: «Эти и множество других лингвистических ошибок были допущены потому, что английский исследователь был по большей части не лингвистом-компаративистом в современном понимании этого словосочетания, а... историком-лингвистом, пытающимся на основе языковых знаний проследить за культурно-историческим возникновением и географическим расселением больших групп населения земли» [1].

Следует принять во внимание, что У. Джонс (как, впрочем, и все его современники, включая того же лорда Монбоддо) не мог быть «лингвистом-компаративистом в современном понимании этого словосочетания» ни по «большой», ни по меньшей части – просто потому, что самой компаративистики в «современном» понимании в его время просто не существовало. Характерно, что даже, безусловно, являвшийся «лингвистом-компаративистом» Ф. Бопп допустил по отношению к малайско-полинезийским языкам аналогичную ошибку, отнес их к индоевропейским (У. Джонс считал малайский язык семитским). Об этом также упоминают авторы, на которых ссылается О.Е. Акимов. Причём последние, объясняя, что и в том и в

другом случае причиной заблуждения послужило неразличение исконных и заимствованных элементов, склонны, тем не менее, даже отдавать британскому учёному некоторое преимущество. Они отмечают, что он решительно предостерегал от слишком вольного обращения со звуковыми («буквенными», по обычному вплоть до середины XIX в. употреблению) единицами, хотя и не имел представления о закономерных звуковых соответствиях. Приводя в этой связи его высказывание: 'I beg leave, as a philologist, to enter my protest against conjectural etymology in historical researches, and principally against the licentiousness of etymologists in transporting and inserting letters, in substituting, at pleasure, any consonant for another of the same order and in totally disregarding the vowels... I contend, that almost any word or nation might be derived from any other, if such licenses as I am opposing were permitted in etymological histories,' – наши зарубежные коллеги даже утверждают, что оно, возможно, даже в большей степени заслуживает бессмертия, чем тот фрагмент, который его прославил ('perhaps more deserving of immortality, then the passage for which he is famous' [8]). Аналогично, в другом труде они признают и большую эрудицию У. Джонса, и то обстоятельство, что в целом деятельность английского учёного соответствовала тенденциям его времени ('was on the whole consistent with the tendencies of his day' [9, p. 47]). Впрочем, с позиций классической компаративистики позапрошлого столетия вполне «современное» включение в одну ностратическую макросемью индоевропейских, уральских, дравидских и прочих языков (к тому же, с

предположением о возможном причислении к ней афразийских (семитохамитских) языков [2, с. 335–338]) выглядит, вероятно, ничуть не менее «еретическим», чем малайско-семитские или малайско-индоевропейские заблуждения У. Джонса и Ф. Боппа.

Завершая наше рассмотрение деятельности У. Джонса, заметим следующее. Критики последнего часто подчёркивают, что наиболее известный его пассаж обычно интерпретируется с позиций сегодняшнего дня, причём не принимаются во внимание ни собственные намерения британского учёного, ни интеллектуальный контекст его времени (*'is usually read out of context, with usually too much of present-day understanding injected into its interpretation... invite little real understanding of Jones' own intentions of the intellectual environment of his day'* [9, p. 34]). Можно, кстати, отметить, что одним из составляющих этого «интеллектуального контекста» был и Семюэль Джонсон, чей словарь, по замечанию В.В. Ощепковой, заложил «основу кодификации английского языка Великобритании» [4, с. 30].

Не подвергая, естественно, сомнению научную объективность авторов названных выше трудов, считаем всё же целесообразным отметить, что анализ воззрений У. Джонса ведётся в них на фоне острой полемики по методологическим проблемам современной компаративистики, в первую очередь – со взглядами Дж. Гринберга, ссылавшегося в своих высказываниях на авторитет У. Джонса, что и могло в какой-то степени обусловить преобладание при рассмотрении деятельности последнего негативного взгляда.

Когда речь идёт о другом традиционно причисляемом к числу предше-

ственников компаративистики деятеле – Ф. Шлегеле, вспоминают, прежде всего, его морфологическую классификацию языков, относящуюся скорее, к типологическому чем к сравнительно-историческому языкознанию в собственном смысле слова. (У самого Ф. Шлегеля эти аспекты, по существу, чётко не разграничены.) В области собственно компаративистики отмечают обычно введение им термина «сравнительная грамматика» (иногда, правда, с оговоркой, что данный или весьма схожие с ним термины можно найти в более ранних высказываниях И. Фатера, А. Бернгарди и А. Шлегеля [9, p. 54]) и подчёркивание значения грамматических соответствий в качестве решающего момента для установления языкового родства. В его часто упоминаемом (но – поскольку речь идёт об отечественной лингвистической историографии – достаточно редко цитируемом по первоисточнику) труде «О языке и мудрости индийцев» указанный фрагмент выглядит следующим образом: «Jener entscheidende Punkt, der hier alles aufhellen wird, ist die innere Struktur der Sprachen oder der vergleichende Grammatik, welche uns ganz neue Aufschlüsse über die Genealogie der Sprachen auf ähnliche Weise geben wird, wie die vergleichende Anatomie über die höhere Naturgeschichte Licht verbreitet hat» [15, S. 28].

Однако содержащиеся в упомянутом труде высказывания, касающиеся собственно языкового родства европейских языков с санскритом, которое Ф. Шлегель квалифицирует как «не случайное, которое можно было бы объяснить смешением данных языков, но существенное, указывающее на их общее проис-

хождение» («Die Übereinstimmung ist also nicht zufällige, die sich auf Einmischung erklären liesse; sondern eine wesentliche, die auf gemeinschaftliche Abstammung deutet» [15, S. 1]), – рассматривают нередко как воспроизведение мыслей его британского предшественника, причём с оговоркой, что они «в одном отношении... менее точные» [3, с. 1]. Указанная «меньшая точность», естественно, относится к утверждению немецкого автора о том, что сравнение показывает, будто именно санскрит является самым старшим из этих языков, от которого произошли все остальные: «Bei der Vergleichung ergiebt sich ferner, daß die Indische Sprache die ältere sei, die andern aber jünger und aus jener abgeleitet» [15, S. 1]. Правда, уже в XX столетии высказывалось мнение, что указанная «неточность» является весьма относительной. Согласно данной точке зрения, не следует трактовать высказывания Ф. Шлегеля в терминах позднейшей трактовки понятий языка-источника и общности происхождения, поскольку речь здесь идёт исключительно о понимании санскрита как наиболее древнего языка без установления непосредственных преемственных стадий, как это имеет место, скажем, между германским и индоевропейским праязыком:

‘In interpreting the early conception of “source” or “derived from” we must be careful to avoid our own definitions, which are based largely on the work of subsequent linguists... Schlegel indeed speaks of a family-tree, but derives the European languages from Sanskrit on the basis

of its greater antiquity, not by positing intermediate stages. Accordingly, the relationship he suggests between German and Sanskrit should not be equated with our deriving German from Proto-Indo-European’ [13].

Не отрицая некоторой спорности подобной трактовки, мы бы хотели, однако, обратить внимание на другой момент, обычно остающийся в тени. Речь идёт о расхождении немецкого романтика с высоко ценимым им британским коллегой как раз в том моменте, который касается установления родственных связей между языками. Ф. Шлегель признаёт, что У. Джонс, продемонстрировав родство и общность происхождения латинского, греческого, германского и персидского из индийского (последнее, как было показано, требует некоторого уточнения. – И.Б., Г.Х.), пролил свет на изучение языка и на древнюю предысторию, в которых ранее всё было темно и спутанно («durch die aufgezeigte Verwandtschaft und Abstammung des des Römischen, Griechischen, Deutschen und Persischen aus dem Indischen zuerst Licht in die Sprachstunde, und dadurch in die älteste Völkergeschichte gebracht hat, wo früher alles dunkel und verworren war» [15, S. 85–86]). Однако к попыткам У. Джонса установить родственные связи в других случаях (см. выше), где данных несравненно меньше, немецкий романтик относится весьма скептически, отмечая, что здесь он не может следовать за этим замечательным учёным («haben wir dem vortrefflichen Manne in diesem Stücken nicht folgen können») [15, S. 85–86]. Таким образом, в какой-то степени Ф. Шлегель оказы-

вается здесь осторожнее У. Джонса, о чём, однако, не всегда упоминается в историко-лингвистических исследованиях.

Подводя итог сказанному, заметим следующее. Во-первых, как показывает приведённый в настоящей статье (по необходимости ограниченный) материал, деятельность предшественников сравнительно-исторического языкознания вплоть до сегодняшнего дня во многих своих аспектах не получила однозначной трактовки. Думается, что указанное обстоятельство требует уделять ей гораздо больше внимания в научной и учебной литературе по истории языкознания, чем это имеет место в настоящее время. Во-вторых, репрезентация воззрений и гипотез учёных должна носить объективный характер, без «осовременивания», но и – что в свете рассмотренных выше суждений представляется весьма существенным – без излишнего уклона в негативизм по отношению к тому, что было ими написано и сделано.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов О.Е. Кто является основателем сравнительного языкознания? [Электронный ресурс]. – URL: <http://scepticratio.narod.ru/re/lang-01.htm> (дата обращения: 25.09.2013).
2. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 432 с.
3. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания // Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – СПб.: Типография М. Меркушева, 1904. – С. 1–148.
4. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2010. – № 6. – С. 28–37.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение/ Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
7. Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр. Жизнь и труды// Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 650–671.
8. Campbell L., Poser W.J. Indo-European Practice and Historical Methodology. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.billposer.org/Papers/iephm.pdf> (дата обращения: 25.09.2013).
9. Campbell L., Poser W.J. Language Classification. History and Methodology. – New-York: Cambridge University Press, 2008. – 536 p.
10. Cannon G. The Correspondence between Lord Monboddo and Sir William Jones. [Originally published in American Anthropologist, 70: 559–562, 1968]. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aaanet.org/sections/gad/history/020cannon.pdf> (дата обращения: 28.09.2013).
11. Cloyd E.L. Lord Monboddo, Sir William and Sanscrit. [Originally published in American Anthropologist, 71: 1134–1135, 1969]. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aaanet.org/sections/gad/history/020cannon.pdf> (дата обращения: 28.09.2013).
12. Jones W. The Third Anniversary Discourse delivered 2 February 1786 by the President. [On the Hindus] [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eliohs.unifi.it/testi/700/jones/Jones_Discourse_3.html (дата обращения: 25.09.2013).
13. Lehmann W.P. A Reader in Nineteenth-Century Historical Indo-European Linguistics. [Электронный ресурс]. –

- URL: <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/books/read08.html> (дата обращения: 28.09.2013).
14. Pedersen H. *The Discovery of Language. Linguistic Science in the Nineteenth Century*. – Bloomington: Indiana University Press, 1962. – 360 p.
15. Schlegel F. *Ueber die Sprache und Weisheit der Indien. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumstunde*. – Heidelberg: bei Mohr und Zimmer, 1808. – XIII. – 324 S.
16. William Jones. *Encyclopedia of World Biography*. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.encyclopedia.com/topic/Sir_William_Jones.aspx (дата обращения: 25.09.2013).